

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374

EDN: SINKNP

Научная статья

Прагматика верификаторов в свете активных процессов в дискурсе отечественных интернет-СМИ

О.С. Иссерс¹, Т.Б. Радбиль²✉¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация✉ timur@radbil.ru

Аннотация. Рассмотрен лингвопрагматический потенциал маркеров верификации в дискурсе отечественных интернет-СМИ. Актуальность исследования связана с лингвистической и общегуманитарной значимостью выявления и интерпретации лингвопрагматических эффектов нестандартного употребления верификаторов как проявления активных процессов в русском языке. Цель исследования — анализ фактивных предикатов *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* в контексте пропозициональной установки с точки зрения их роли в дискурсной реализации некооперативных коммуникативных стратегий в русской речи. Применяется методика лингвопрагматической интерпретации неузуальных коммуникативных стратегий, основанная на комплексной исследовательской процедуре описания активных процессов в русском языке, на методе когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных, а также на идеях и принципах зарубежной прикладной и «аффективной» прагматики. Материалом исследования явились языковые данные, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем обследованного материала — около 200 контекстов употребления верификаторов. Описаны неоднозначные и внутренне противоречивые модели дискурсной реализации фактивных пропозициональных установок знания при пропозициях, не имеющих референции к достоверному и / или доказанному факту. Установлена связь подобных случаев с моделями языковой аномальности, обусловленными тем, что русскоязычный говорящий в норме не может иметь противоречивые интенции. Показано, что в данных случаях мы имеем дело с противоречием между пропозициональной установкой знания, полученного с достоверностью, и неопределенным содержанием пропозиции. Для прагматических аномалий, порожденных речевой реализацией верификаторов, установлен «конфликт модальностей» (достоверной и недостоверной, фактивной и гипотетической, знанием и предположением и пр.). Сделан вывод о связи подобных неузуальных употреблений маркеров верификации либо с осознанной установкой автора медиатекста на реализацию манипулятивной стратегии *de re*, либо просто с недостаточной языковой и коммуникативной компетенцией говорящего в рамках *bona fide* («добросовестного заблуждения»). Перспективы исследования связаны с расширением его эмпирической базы за счет включения дискурсных показателей истинности (*истинно, подлинно, действительно* и т.д.), а также за счет вовлечения в область исследования и других дискурсов активного воздействия (политический, рекламный, художественный и т.д.) в русском языке.

Ключевые слова: фактологические предикаты, показатели истинности, пропозициональная установка, конфликт модальностей, прагматические аномалии, актуальные тенденции, медиадискурс Интернета, корпусный анализ, русский язык

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Иссерс О.С., Радбиль Т.Б. — концепция исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

© Иссерс О.С., Радбиль Т.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

История статьи: поступила в редакцию 12.01.2024; принята к печати 16.03.2024.

Для цитирования: *Иссерс О.С., Радбиль Т.Б.* Прагматика верификаторов в свете активных процессов в дискурсе отечественных интернет-СМИ // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 3. С. 363–374. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374>

Введение

В новейшей междисциплинарной парадигме гуманитарного знания в числе наиболее востребованных исследовательских областей сегодня находится изучение активных процессов в русском языке (*Русский язык в интернет-коммуникации*, 2021). Эта сфера исследований сегодня значительно расширяется посредством включения в нее самых разнообразных дискурсивных практик, которые можно рассматривать как своего рода «лаборатории» языковых инноваций — зоны наиболее активного распространения «точек роста новых явлений» (Апресян, 1990). Прежде всего к таким зонам следует отнести медиадискурс, в котором как раз и фиксируются наиболее значимые изменения в мировоззренческих установках, ценностных приоритетах, речеповеденческих моделях социума, что отражено и в современных исследованиях по медиалингвистике (Дускаева, 2019; Цветова, 2020). С другой стороны, существенные преобразования на всех уровнях языковой системы и особенностях ее речевой реализации, вызванные специфическими условиями коммуникации, сегодня наблюдаются в коммуникативной среде Интернета, о чем свидетельствуют научные разработки в таком новом направлении научного поиска, как интернет-лингвистика (*Русский язык в интернет-коммуникации*, 2021; Facchinetti, 2021). Таким образом, вполне обоснованным выглядит наше обращение к такой специфической области бытования активных процессов в русском языке, как медиадискурс отечественных СМИ в его интернет-разновидности (Негрышев, 2020). При этом нас интересуют именно лингвопрагматические аспекты данных явлений в плане коммуникативно-прагматического или прагмастилистического анализа текста, как он представлен в работах (Black, 2006; Падучева, 2010; Scarantino, 2017).

Итак, сегодня достаточно полно изучены активные процессы в области лексики, словообразования и стилистики (*Русский язык начала XXI века...* 2014; Николина и др., 2020), в меньшей степени — в грамматике, еще в меньшей степени — в прагматике. А между тем именно прагмаориентированные инновационные явления могут стать наиболее показательными, потому что в них отражаются определенные симптоматичные изменения в интенциональной сфере говорящих, в их речевых стратегиях и тактиках, т.е. в том, что можно именовать совокупной коммуникативной средой современного социокультурного пространства (Иссерс, 2020; Ort & Ariel, 2021). «В коммуникативной среде СМИ отстаиваются, дезавуируются, оспариваются ценности тех или иных политических, общественных или культурных групп, да и сам дискурс масс медиа выступает как мощный инструмент не столько отражения, сколько формирования „ценностной модели мира“ в обществе, используя разнообразные средства языкового воздействия, в том числе манипулятивного типа» (Радбиль, 2021: 407).

Научный инструментарий когнитивно-дискурсивного подхода на основе анализа корпусных данных, разработанный в исследованиях (Чернявская, 2018; Радбиль, 2020), представляется нам надежной методологической основой для выявления и интерпретации самых разных прагматических эффектов, связанных в т.ч. с явлениями недобросовестной коммуникации, конфликтных или манипулятивных нарративных моделей в журналистских текстах, которые базируются именно на лингвопрагматических механизмах. В настоящей работе нас будет интересовать лишь один механизм подобного рода, а именно — неоднозначные и внутренне противоречивые модели дискурсивной реализации фактивных пропозициональных установок знания, так называемых «верификаторов» (типа *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* и под.) при пропозициях, не имеющих референции к достоверному и / или доказанному факту. Контексты подобного рода в наших исследованиях именуется «репрезентативными контекстами» (Радбиль, 2021). Любопытные лингвопрагматические эффекты, возникающие в подобного рода употреблениях, на наш взгляд, весьма показательны в плане реализации специфических интенций авторов, в т.ч. некооперативного типа, которые, можно рассматривать как лингвопрагматические и / или нарративные аномалии в рамках разрабатываемой одним из авторов теории языковой аномальности (Радбиль, 2006).

Все изложенное выше позволяет нам сформулировать **цель исследования** — выявить и интерпретировать лингвопрагматические эффекты нестандартного употребления верификаторов в контексте пропозициональной установки в дискурсе отечественных интернет-медиа, а также определить их роль в дискурсивной реализации некооперативных коммуникативных стратегий.

Материалы и методы

В работе применяется исследовательская процедура лингвопрагматической интерпретации неузуальных коммуникативных стратегий, основанная на комплексной методике описания активных процессов в русском языке (Новые тенденции... 2016), методе когнитивно-дискурсивного анализа (Соколова, 2017) и анализа корпусных данных (Чернявская, 2018; Радбиль, 2020), технологии коммуникативно-прагматического исследования интернет-коммуникации (Иссерс, 2022), а также на идеях и принципах зарубежной прикладной и «аффективной» прагматики (Scarantino, 2017; Noveck, 2021).

Анализируются верификаторы (типа *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* и под.) в роли пропозициональных установок при пропозициях, в которых ослаблена или элиминирована семантика события или факта; с синтаксической точки зрения, представленные модели имеют структуру сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительно-объектным.

Материалом исследования послужили языковые данные, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объем обследованного материала — около 200 контекстов употребления указанных верификаторов.

Результаты

В нормальном, т.е. кооперативном использовании русского языка фактивные предикаты *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* в роли пропозициональных установок используются при пропозициях, в которых содержится точное знание о событии или достоверно установленный факт.

Однако в нашем исследовании описаны неоднозначные и внутренне противоречивые модели дискурсной реализации фактивных пропозициональных установок знания при пропозициях, не имеющих референции к достоверному и / или доказанному факту.

Мы установили связь подобных случаев с моделями языковой аномальности, обусловленными тем, что русскоязычный говорящий в норме не может иметь противоречивые интенции. Для прагматических аномалий, порожденных речевой реализацией верификаторов, установлен «конфликт модальностей» (достоверной и недостоверной, фактивной и гипотетической, знанием и предположением и пр.).

Выявлены следующие разновидности «конфликта модальностей»:

(1) противоречие между семантикой пропозициональной установки, выражающей результат получения достоверного знания, и содержанием основной пропозиции, включающей неопределенные сведения о чем-либо; более сильная версия указанного «конфликта модальностей» возникает при употреблении в пропозиции субъективно-модального показателя недостоверности — частицы *якобы*;

(2) нарушение ограничения на пропозициональное содержание при фактивных предикатах, связанное с тем, что их употребление в роли пропозициональной установки некорректно по отношению к пропозициям, реферирующим к описанию физической реальности, гипотетической реальности или намерений других лиц;

(3) особенности содержания самих пропозиций при верификаторах в роли пропозициональной установки, связанные с отсутствием в них референции к реальным событиям или действительным фактам: это могут быть генерализованные суждения, гипотетические суждения, суждения, противоречащие здравому смыслу или нарушающие логику.

Описанные в работе типы «конфликта модальностей» могут быть обусловлены либо осознанной установкой автора русскоязычного медиатекста на реализацию манипулятивной стратегии *de re*, либо просто недостаточной языковой и коммуникативной компетенцией говорящего в рамках *bona fide* («добросовестного заблуждения»).

Обсуждение

В нормальных условиях русскоязычной коммуникации, которые основаны на принципах коммуникативного сотрудничества, т.е. согласованности вкладов участников коммуникации на каждом этапе ее разворачивания (Грайс, 1985; Падучева, 2010), верификаторы — предикаты с семантикой установления достоверного знания о реальности, употребляются в роли пропозицио-

нальной установки при пропозициях, которые имеют референцию к точным фактам или действительно совершившимся событиям, например:

*Однако вскоре **выяснилось**, что здание было построено с нарушением правил* (Парламентская газета, 2021.12.20);

*По результатам автотехнической судебной экспертизы **было установлено**, что действия водителя Mercedes не соответствовали ПДД, что стало причиной аварии* (Ведомости, 2021.12.10);

Теперь официально **подтвердилось**, что Грудинин в определенные законом сроки не уведомил российские фискальные органы о наличии у него 13 счетов в швейцарском банке (Московский комсомолец, 06.07.2018);

*Ранее, 22 ноября, **стало известно**, что кондитеры предупредили ритейлеров о скором увеличении цен на их продукцию ввиду удорожания сырья, упаковочных и горюче-смазочных материалов* (Ведомости, 2021.11.24);

*В суде **было доказано**, что фармацевт одной из аптек без рецепта поштучно продавала капсулы с лекарством, которое покупатели могли употреблять как наркотик* (Парламентская газета, 2019.02.05).

Однако в русской медиаречи в ряде случаев реализации специфических интенций авторов СМИ или просто некорректного ввода в дискурс модусного показателя имеет место ситуация, когда верификатор употребляется при пропозиции, не имеющей референции к установленному достоверно факту или в действительности происшедшему событию, например: *А потом **выяснилось**, что это **неизвестно кто*** (Коммерсант, 04.10.2010).

Нетрудно видеть, что здесь мы имеем дело с противоречием между пропозициональной установкой знания, полученного с достоверностью, и неопределенным содержанием пропозиции (*неизвестно кто*). В концепции языковой аномальности подобные случаи трактуются как языковые аномалии, связанные с тем, что говорящий в норме не может иметь противоречивые интенции (Апресян, 1990; Булыгина, Шмелев, 1997) (т.е. проще говоря, не может быть выяснено то, что не выяснено). Аномалии подобного рода трактуются как прагматические, потому что связаны с противоречием между модусом и диктумом, между пропозициональной установкой и пропозицией, между коммуникативным намерением и его реализацией в речевых практиках носителей русского языка. Такие явления мы трактуем как «конфликт модальностей» (достоверной и недостоверной, фактивной и гипотетической, знанием и предположением и пр.).

Первая разновидность «конфликта модальностей» в обследованном материале связана с противоречием между семантикой пропозициональной установки, выражающей результат получения достоверного знания, и содержанием основной пропозиции, содержащей неопределенные сведения о чем-либо: *Как **выяснилось**, остается **неопределенной** ситуация в вопросе объединения с Союзом правых сил* (Vesti.ru, 10.06.2006).

В нормальном логическом рассуждении достоверность выступает как снятие неопределенности. Здесь этого по тем или иным причинам не происходит: ***Выяснилось**, зачастую средства исчезают в **неизвестном** направлении* (Vesti.ru, 06.12.2012).

Справедливости ради надо отметить, что в последнем примере прагматическая аномальность ослабляется за счет тема-рематического членения. В част-

ности, в позиции ремы находится сегмент «в неизвестном направлении», значит, все выражение может интерпретироваться следующим образом: установленным фактом считается исчезновение средств (то, что в позиции темы, как известное), а не установлено лишь направление их утекания.

Более сильная версия указанного «конфликта модальностей» возникает в ситуации, когда в пропозиции употребляется субъективно-модальный показатель недостоверности — частица *якобы*: «*част.* Употребляется для обозначения предположительности высказывания, указывает на сомнение в его достоверности»¹:

На паспортном контроле выяснилось, что документы епископа якобы недействительны (Известия, 14.02.2019);

А потом выяснилось, что это якобы были совместные испытания системы ПРО, которые проводили США и Израиль (Комсомольская правда, 05.09.2013);

В ходе расследования было установлено десять эпизодов, когда пациенток якобы приковывали наручниками и не давали свободно передвигаться (Коммерсант, 13.04.2013);

Стало известно, что осенью 2017 года Терешин якобы был пойман за рулем в состоянии алкогольного опьянения (Известия, 01.02.2018).

Как видим, наиболее сильная версия данной модели прагматической аномалии возникает в контекстах, когда частица *якобы* распространяет предикат, т.е. характеризует ситуацию в целом, а не какой-то ее отдельный, рематически акцентированный фрагмент, например:

Однако спустя несколько месяцев выяснилось, что кредит якобы был предоставлен (Комсомольская правда, 01.03.2011);

Однако выяснилось, что финские законы якобы не позволяют создавать фонды в пользу интересов отдельного лица (Труд-7, 14.10.2005);

Было установлено, что он якобы бил не только Щербакова, но и других солдат (Lenta.ru, 22.03.2010);

Ранее стало известно, что Михаил Ефремов якобы не признал свою вину в смертельном ДТП (Vesti.ru, 03.07.2020).

В подобных случаях в русской речи возникает несколько странная ситуация, когда говорящий в пропозициональной установке сообщает, что то, о чем он намерен говорить дальше, является достоверным фактом, а в самой пропозиции дезавуирует это выражением сомнения в его достоверности: *Она была аннулирована в декабре 2019 года, когда выяснилось, что журналистка якобы занимается деятельностью, которая не соответствует заявленной цели поездки* (Vesti.ru, 31.01.2020).

Аномалии подобного рода, впрочем, также имеют потенциал рациональной переосмысливаемости и могут сниматься, если контекст однозначно указывает, что *якобы* является сигналом чужой точки зрения, несогласия с чужой позицией в режиме стратегии *de dicto* (Булыгина, Шмелев, 1997). В таких случаях в пропозициональной установке содержится указание на источник сообщения, не совпадающий с говорящим, например:

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С–Я. 1988. 800 с.

Из источника в следственных органах стало известно, что похищение первого вице-президента «ЛУКОЙЛа» якобы было организовано по «казу сверху» (Аргументы и факты, 09.10.2002).

Вчера от наших источников стало известно, что один из подозреваемых, Олег Алимов, якобы отпущен из-под стражи (Комсомольская правда, 30.08.2007).

Наиболее очевидно это проявляется в режиме перволичного употребления: *Но стоило мне начать показывать результаты, как тут же выяснилось, что якобы у меня есть какие-то сверхъестественные преимущества* (Советский спорт, 13.08.2011).

Следующая разновидность «конфликта модальностей» в русской медиаречи связана с нарушением условий успешности Дж.Р. Серля, а именно — ограничения на пропозициональное содержание для речевых актов определенного типа (Серль, 1986). Так, известен философский тезис Х. Рейхенбаха о том, что нельзя иметь достоверного протокола о будущем. Иначе говоря, суждение о том, что в физической реальности произойдет в будущем, например: *«Завтра будет дождь»*, может иметь лишь вероятностный, но не достоверный характер. Таким образом, пропозициональная установка, выражающая установление достоверного факта, не может быть отнесена к пропозиции, чье содержание ориентировано в план будущего. Иначе говоря, модель *'Выяснилось / установлено / подтвердилось и под., что будет P.'* логически несостоятельна по отношению к высказываниям, реферирующим к описанию будущего состояния физической реальности.

Однако в нашем массиве примеров из русской медиаречи подобные высказывания встречаются в изобилии, например:

Выяснилось, что 32 процента участников вообще не будут употреблять алкогольные напитки на новогодние праздники (Парламентская газета, 28.12.2021);

Установлено, что во всех средах распространения будет обеспечено единство содержания телеканалов (Парламентская газета, 23.06.2021);

Ранее стало известно, что Центробанк будет выявлять и фиксировать недобросовестные практики в ходе проверок финансовых организаций (Парламентская газета, 15.11.2021).

Видимо, по сходным причинам нарушения ограничения на пропозициональное содержание прагматически аномальные пропозициональные установки верификации достоверного знания в норме не должны употребляться при пропозициях, описывающих намерения других лиц (нельзя точно установить чье-либо намерение, если этот кто-то его не сообщил), например: *Подтвердилось, что они [силы НАТО против сербов — прим. авторов] намерены применить силу* (Vesti.ru, 24.03.2009).

Аномалии подобного рода также рационально переосмысляются и снимаются, если пропозиция реферирует не к физической реальности, а к некой идеальной области:

– например, к сфере действия законов, должного, а не действительно существующего: *При этом установлено, что уполномоченные органы власти или охотхозяйства будут выдавать разрешения на охоту на конкретной территории на определённый срок* (Парламентская газета, 22.06.2021);

– или к сфере мыслимого, что может наступить при определенных условиях: **Установлено, что следователи СК смогут заниматься предварительным следствием по трем статьям Уголовного Кодекса в том случае, если они выявили эти преступления** (Парламентская газета, 12.07.2021).

Наконец, еще одна разновидность рассматриваемого прагмалингвистического эффекта «конфликта модальностей» в русском языке связана с определенными содержательными особенностями пропозиции, которая по тем или иным причинам не реферирует к реальным событиям или действительным фактам. Например, пропозиция может содержать генерализованное суждение, претендующее на статус некой «вечной истины», общечеловеческой значимости, обязательности для всех людей:

Заодно подтвердилось, что недостатки — гипертрофированное продолжение достоинств (Известия, 08.01.2002);

Уже раньше было доказано, что любовь —

это процесс химического свойства (Труд-7, 11.03.2010);

– или суждение, противоречащее здравому смыслу и практической логике:

Вот здесь-то в самой яркой степени и подтвердилось, что волшебники, действительно, живут среди нас («Іўеўскі край», 10.02.2012);

Здесь впервые в мире было доказано, что телепатия существует, что металлическая камера, экранирующая электромагнитные волны, экранирует и передачу мысли (Труд-7, 14.09.2000).

Аномальность подобной прагмалингвистической модели заключается в том, что в операционную сферу безусловного, достоверного знания включаются пропозиции гипотетического содержания, т.е. то, что еще только предстоит когда-либо узнать и доказать, например: **В процессе полета Полякова отработывались элементы будущего полета на Марс, было доказано, что человеческий организм способен его выдержать** (Известия, 26.10.2012).

Манипулятивность данных коммуникативных стратегий становится очевидной в случаях, когда под мощной защитой достоверного знания общечеловеческой истины находятся весьма спорные, во всяком случае далеко не безусловные положения, которые не могут быть восприняты «по умолчанию», а, напротив, еще только нуждаются в аргументации, например:

С тех пор много раз было доказано, что за сахаром никаких грехов нет (Аргументы и факты, 25.04.2001);

Было доказано, что сердцебиение коровы оказывает расслабляющее воздействие на человека (Lenta.ru, 22.10.2020);

Например, ранее было доказано, что зевота охлаждает мозг (Vesti.ru, 14.05.2012).

Манипулятивный механизм указанных моделей «конфликта модальностей» особенно ярко проявляется в контекстах, когда значение пропозициональной установки фиксации достоверного знания усиливается эксплицитными показателями безусловной истинности суждения, например, детерминантом **доподлинно**: **Доподлинно известно, что это будет скандал. // — Мы хотим до последнего момента сохранить интригу вокруг шоу** (Комсомольская правда, 17.04.2012).

В данном фрагменте оценочная характеристика события, да еще и отнесенная в план будущего, в принципе не может быть верифицирована, проверена на соответствие действительности, причем с эксплицитным интенсификатором сильной степени уверенности *доподлинно*.

Также посредством усилителя *доподлинно* может реализовываться манипулятивная стратегия «чтения в сердцах», когда говорящий с безусловной достоверностью устанавливает степень впечатления других людей от увиденного, т.е. то, что в принципе верифицировано быть не может, например: *Но доподлинно известно, что выставка потрясла зрителей...* (lenta.ru, 14.11.2019).

Особенно показательны в этом плане несколько странные употребления этой усиленной пропозициональной установки в контексте пропозиции, содержание которой, по меньшей мере, сомнительно или просто бессмысленно, а то и заведомо ложно:

Доподлинно известно, что великий художник питал пристрастие к темным силам и занимался магией (Комсомольская правда, 22.09.2005);

Чем заняться, когда доподлинно известно, что на Землю несетя огромный метеорит и конец света неизбежен? (Известия, 13.07.2012);

Как заявил представитель суда, им *доподлинно известно*, что Иисус Христос не является кандидатом ни от одной из политических партий (Lenta.ru, 16.05.2002).

Подобные коммуникативные стратегии авторов русскоязычного медиатекста, вне всякого сомнения, направлены на усиление воздействия на аудиторию, на создание экспрессии. Но при этом они имеют и все признаки манипулятивности: ведь адресат, посредством употребления говорящим пропозициональной установки удостоверенного и, значит, общеизвестного факта, целенаправленно лишается возможности оспорить сообщаемое. Действительно, нельзя же спорить с незыблемой объективной истиной, которая известна всем и каждому. За спиной у говорящего — мощная защита в лице всего человечества.

Заключение

В целом проведенное исследование еще раз обнаружило существенные прагматингвистические возможности верификаторов в русской речи, которые в нормальном, кооперативном речевом общении, казалось бы, призваны служить лишь вспомогательными, чисто «техническими» дискурсными показателями, маркерами достоверности некоего суждения. Однако наш материал свидетельствует о том, что реально их функции в русской медиаречи Интернета гораздо разнообразнее и шире. В частности, верификаторы как фактивные пропозициональные установки, вводящие в круг рассмотрения установленную истину, подтвержденное знание, на самом деле зачастую выступают и в качестве механизмов уклонения от истины, искажения знания, т.е. не проясняют что-либо, как должны бы, а, напротив, запутывают.

Также следует отметить и значительный экспрессивный и воздейственный потенциал верификаторов, который эксплуатируется авторами в русской медиаречи в целях реализации манипулятивной стратегии *de re*, для внедрения

в сознание аудитории необщепринятых идей и ценностей, по тем или иным причинам отстаиваемых авторами. При этом в ряде случаев нельзя исключить и тот факт, что создатели медиатекстов просто некорректно оперируют арсеналом дискурсивных средств русского языка в силу своей недостаточной языковой и коммуникативной компетенции.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica* : Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986) / под ред. Д.С. Лихачева. М. ; Л. : Наука, 1990. С. 50–71.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике* : Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Дускаева Л.Р.* Векторы прагматического анализа в медиалингвистике // *Медиалингвистика*. 2019. № 6 (1). С. 4–18. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.101>
- Иссерс О.С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).243-256](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256)
- Иссерс О.С.* Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 79. С. 59–83. <https://doi.org/10.17223/19986645/79/4>
- Негръшев А.А.* Псевдосенсация в Интернете : опыт лингвистического описания // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2020. Т. 19. № 2. С. 43–53. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.4>
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века : монография / под ред. Л.В. Рацибурской.* 2-е изд. М. : Флинта; Наука, 2016. 304 с.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 496 с.
- Радбиль Т.Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774)
- Радбиль Т.Б.* «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе : опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // *Медиалингвистика*. 2021. Т. 8. № 4. С. 406–420. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.407>
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : монография / под ред. Л.В. Рацибурской.* М. : Флинта, 2021. 328 с.
- Русский язык начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст : монография / под ред. Л.В. Рацибурской.* Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
- Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике* : Вып. 17. Теория речевых актов : сб. научн. трудов / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.
- Соколова О.В.* Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 3. С. 19–30.
- Цветова Н.С.* Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // *Медиалингвистика*. 2020. № 7. С. 280–292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301>

- Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.
- Black E. Pragmatic stylistics. Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006.
- Facchinetti R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic // Journal of Pragmatics. 2021. No. 175. Pp. 195–206. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>
- Noveck I. Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science. Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021.
- Orr Sh., Ariel M. Predicating Truth : An empirically based analysis // Journal of Pragmatics. 2021. Vol. 185. Pp. 131–145. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>
- Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. 2017. Vol. 28. No. 2–3. Pp. 65–185. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2017.1328951>

Сведения об авторах:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, 644066, г. Омск, пр. Мира, д. 55. *Сфера научных интересов*: коммуникативистика, прагматика, теория языкового воздействия, медиалингвистика, интернет-лингвистика. Автор около 250 работ. ORCID: 0000-0003-4027-6346. SPIN-код: 2306-7778. E-mail: isserso@mail.ru

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. *Сфера научных интересов*: теория языка, когнитивная лингвистика, логический анализ языка, лингвокультурология, изучение языковой ментальности, прагматика, лингвопоэтика. Автор около 300 работ. ORCID: 0000-0002-7516-6705. WoS ResearcherID: AAO-6983-2020. Scopus AuthorID: 57210390493. SPIN-код: 2835-0370. E-mail: timur@radbil.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374

EDN: SINKNP

Research article

Pragmatics of verifiers in the aspect of active processes in Russian Internet media discourse

Oxana S. Issers¹, Timur B. Radbil²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 timur@radbil.ru

Abstract. The study discusses the linguo-pragmatic potential of verification markers in the discourse of Russian Internet media. The relevance of the study is conditioned by the linguistic and general humanitarian significance of identifying and interpreting the linguo-pragmatic effects of non-standard use of verifiers as a manifestation of active processes in the Russian language. The aim of the study is to analyze the factive predicates *выяснилось* ‘it was found out’, *установлено* ‘it was established’, *подтвердилось* ‘it was confirmed’, *было доказано* ‘it was proved’, *стало известно* ‘it became known’, etc. in the context of propositional attitudes and their role in the discursive implementation of non-cooperative communication strategies in Russian speech. The method of linguo-pragmatic interpretation of non-usual communicative strategies is used, based on a complex research procedure for describing active processes in the Russian language, on the method

of cognitive-discursive analysis of corpus data, as well as on the ideas and principles of foreign applied and “affective” pragmatics. The research material is language data from the newspaper subcorpus of the Russian National Corpus (200 contexts with verifiers). The study describes ambiguous and internally contradictory models of factual propositional knowledge attitudes and their discursive implementation in propositions that do not have a reference to a reliable and/or proven fact. A connection has been established between such cases and models of language anomaly, because a speaker normally cannot have contradictory intentions. It is shown that these cases contain a contradiction between the propositional knowledge attitude obtained with certainty and the uncertain content of the proposition. For pragmatic anomalies generated by verifiers, a “conflict of modalities” has been established (reliable and unreliable, factual and hypothetical, knowledge and assumption, etc.). It is concluded that such non-usual uses of verification markers are associated either with the intention of the media text author to implement a manipulative strategy *de re*, or just with the speaker’s insufficient linguistic and communicative competence within the framework of *bona fide*. The prospects for the study are in the expansion of its empirical base with discursive indicators of truth (*истинно* ‘truly’, *подлинно* ‘actually’, *действительно* ‘really’, etc.), as well as by involving other highly influential discourses (political, advertising, poetic, etc.).

Keywords: factual predicates, truth indicators, propositional attitude, conflict of modalities, pragmatic anomalies, actual tendencies, Internet media discourse, corpus analysis, the Russian language

Authors’ contribution: Issers O.S., Radbil T.B. — research concept, collection and processing of materials, analysis of the data obtained, writing the text.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Finding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Article history: received: 12.01.2024; accepted: 16.03.2024.

For citation: Issers, O.S., & Radbil, T.B. (2024). Pragmatics of verifiers in the aspect of active processes in Russian Internet media discourse. *Russian Language Studies*, 22(3), 363–374. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374>